

**СТАНИСЛАВ
КУНЯЕВ**

**ЖРЕЦЫ
И ЖЕРТВЫ
ХОЛОКОСТА**

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Станислав Куняев

Жрецы и жертвы холокоста

«Алисторус»

2012,2020

УДК 323(470+571)
ББК 63.3(2Рос)

Куняев С. Ю.

Жрецы и жертвы холокоста / С. Ю. Куняев — «Алисторус»,
2012, 2020

ISBN 978-5-907255-84-5

Понятие «холокост» (всесожжение) родилось несколько тысячелетий тому назад на Ближнем Востоке во времена человеческих жертвоприношений, а новую жизнь оно обрело в 60-х годах прошлого века для укрепления идеологии сионизма и государства Израиль. С той поры о холокосте сочинено бесконечное количество мифов, написаны сотни книг, созданы десятки кинофильмов и даже мюзиклов, организовано по всему миру множество музеев и фондов. Трагедия европейского еврейства легла не только в основу циничной и мощной индустрии холокоста, но и его расистской антихристианской религии, без которой ее жрецы не мыслят строительства зловещего «нового мирового порядка». История холокоста неразрывно связана с мощнейшими политическими движениями нового времени — марксизмом, сионизмом, национал-социализмом и современной демократией. Обо всей этой апокалиптической драме рассказывает книга Станислава Куняева, имеющая дискуссионный характер. Издание 4-ое, дополненное, переработанное

УДК 323(470+571)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-907255-84-5

© Куняев С. Ю., 2012,2020

© Алисторус, 2012,2020

Содержание

К читателю	6
I	10
II	13
III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Станислав Куняев

Жрецы и жертвы холокоста

К читателю

*Увенчается ли наше стремление к новому мировому порядку
успехом, зависит от того, выучим ли мы уроки Холокоста.*

Я. Дж. Кадеган

Эта работа была задумана несколько лет тому назад и складывалась по частям долго и трудно.

Тема оказалась чрезвычайно сложной и «горячей», если не раскаленной. Да и мировая жизнь все время добавляла топлива в этот мистический костер – вспомним хотя бы поистине библейскую судьбу несчастной Газы или поединок между Ватиканом и раввином по поводу Холокоста.

В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось, и книга, выросшая из поначалу задуманной небольшой статьи, получилась весьма компилятивной.

Но я об этом и не сожалею: пусть читатели сами освоят избранные мною выдержки из разных книг, порой прямо враждебных друг другу, порой дополняющих или повторяющих одна другую.

Только при таком проходе «по лезвию ножа» мне удалось в меру своих сил склеить более или менее цельную картину исторического явления, именуемого Холокостом.

Несколько книг, откуда я брал оценки и факты для моей работы, образовали ее каркас. В первую очередь, это были два отчета с двух конференций – Стокгольмской (2000 год) и Тегеранской (2006 год). Немало пищи для размышлений дала мне совсем свежая книга «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем», созданная двумя авторами-составителями и незаурядными профессионалами А. Кохом и П. Поляном. Чрезвычайно много фактов и сведений я почерпнул из книги американского историка Нормана Финкельштейна, которую несколько раз перечитал и всю испещрил своими заметками, восхищаясь правильным чувством меры и гражданской отвагой автора. Весьма помогла мне фундаментальная и предельно объективная работа российского историка Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», а удивительную по лиризму и печальной правде книгу Израэля Шамира «Сосна и олива» я проглотил взахлеб, как художественное произведение. Слово злое, но увлекательный детектив я прочитал «Протоколы допросов Эйхмана».

Пришлось изучить и некоторые книги, наполненные черной яростью, истерической клеветой и клиническими картинами жизни, рожденными больным воображением авторов, – некогда сенсационную повесть забытого ныне писателя Валентина Ерашова «Коридоры смерти», книгу женской прозы начала перестройки «Новые амазонки» и сборник «Уроки Холокоста и современная Россия», подготовленный российским фондом «Холокост», а также книгу Лунгиной «Подстрочник».

Поистине неоценимую помощь в работе оказали мне исследования знаменитого историка Холокоста французского еврея Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики». Его работа настолько аргументированна и объективна, что даже П. Полян, с саркастическим пристрастием оценивший в книге «Отрицание отрицания» труды ревизионистских историков, предпочел воздержаться от комментариев по поводу этой образцовой работы знаменитого француза.

Поскольку почти все прочитанные и использованные книги были изданы крохотными тиражами и неизвестны массовому читателю, то я цитирую их довольно щедро. Может быть, что и чересчур щедро, за что прошу заранее читателей простить меня. Но лучше пересолить с аргументами на такую взрывоопасную тему, нежели не договорить чего-то.

На свои комментарии к прочитанному я тоже не скупился и не раз ощущал, что испытываю почти эстетическое удовлетворение от состояния творчества, довольно часто посещавшего меня.

Все другие источники, на которые я ссылался и которыми эпизодически и скупо пользовался, перечислены мною в заключении этой истерзавшей меня работы.

Март 2011

Post Scriptum

Вырожденцы

Моя книга «Жрецы и жертвы Холокоста» впервые публиковалась в течение всего 2010 года в журнале «Наш современник». Через год она была издана в издательстве «Алгоритм» и распродана в течение нескольких месяцев. Издательству пришлось печатать еще один тираж. А в 2012 году выпускать в свет второе книжное издание «Холокоста», дополненное по сравнению с первым многочисленными читательскими откликами, а также рецензиями и обширными статьями из массовой прессы.

Все было бы хорошо, кроме одного: мои недруги из либеральной прессы, которые раньше всегда и сразу кидались со мной в спор то в «Московском комсомольце», то в «Новой газете», то в журнале «Знамя» и «Литературной России», то в «Еврейской газете», на этот раз не издали ни звука. Ни Марк Дейч, ни Леонид Радзиховский, ни Семен Резник, ни Павел Полян – никто ни гу-гу. А я, любивший открытую борьбу, ждал их нападения, но вскоре понял, что его не будет. Сам виноват. Слишком переборщил в аргументации, пользуясь аргументами из книг лорда Дизраэли-Биконсфильда, известной журналистки Ханны Арендт, историка из США Нормана Финкельштейна, министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, профессора Иерусалимского университета Шломо Занда, партийной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, знаменитого деятеля еврокоммунизма Роже Гароди... Так получилось из контекста, что спорить со мной означало спорить с ними, евреями по происхождению. Мне бы для приманки насовать в книгу цитаты из явных «черносотенцев и антисемитов» – Маркова Второго, Осипа Меньшикова, Ивана Шевцова, Валерия Хатюшина, а я «из страха иудейска» перестраховался и лишил своих закадычных врагов возможности впиться зубами в ненавистные им страницы.

Однако недавно мне стал известен единственный отзыв о книге «Жрецы и жертвы Холокоста» из лагеря моих персональных противников.

На сайте «Московского бюро по правам человека» один из моих почитателей обнаружил заявление, озаглавленное «Черносотенные книги снова на книжной ярмарке в Москве», подписанное председателем Московского антифашистского центра Евгением Прошечкиным, президентом фонда «Холокост» и членом общественной палаты Аллой Гербер и директором московского бюро по правам человека Александром Бродом. Народ серьезный, все при должностях. Правда, в литературном отношении это, конечно, не радзиховские и резники, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Эти деятели жалуются и негодуют, что Московская книжная ярмарка *«уже много лет подряд привлекает к себе внимание правозащитников-антифашистов как крупнейший центр распространения ксенофобской литературы. Год*

за годом на стендах издательств продавались труды, пропитанные махровой ксенофобией <...> Демонстрировало свои книги и печально знаменитое издательство «Алгоритм», специализирующееся на шовинистической литературе. Последнее их издание – труд ветерана «патриотического движения» поэта Станислава Куняева «Жрецы и жертвы Холокоста». Автор преуменьшает признанную трагедию XX века, а также обрушивается на «происки и преступления» евреев в самых разных сферах... <...> В то время, как во многих европейских странах публичное отрицание Холокоста, пропаганда национальной ненависти жестко карается законом». У меня от сердца отлегло. Слава Богу – первая серьезная поклевка, Пора подсесть. Но тут же мне повезло вторично: подписанты-антифашисты выразили возмущение книгой некоего, как они пишут, «научного расиста» Д. Раштана, «пытающегося отстоять тезис о неравенстве рас». Ну как же могли борцы против расового неравенства о том, что именно идеология «неравенства рас» и помогла всем «цивилизованным народам» выстроить цивилизацию Европы и Североамериканского континента, когда в течение нескольких столетий «более развитые расы» заставили работать на себя бездельников, тунеядцев и дикарей Северной и Центральной Америки, ленивых рабов всего Африканского континента, Индии и Китая, Австралии и Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии и бесчисленных островов Индонезийского архипелага. Выдающимися теоретиками этого мирового порядка были многие великие люди: англичане Томас Гоббс и Даниэль Дефо, Редьярд Киплинг и Оливер Кромвель, французы Жозеф Гобино и Наполеон Бонапарт, американцы Джон Вашингтон и Уолт Уитмен, немцы Адольф Розенберг и Адольф Гитлер. Но им всем было далеко до гениальных умов избранного народа, к которому принадлежит и наша антифашистская компания.

«Евреи, несомненно, представляют собой наиболее чистую расу из всех цивилизованных наций мира» (Нахум Соколов).

«Еврейская раса – одна из исходных рас <...> Еврейский тип сохранился – он существовал во все времена, во всех поколениях» (М. Гесс).

«Только одна сверхнация есть цвет и цель человеческого рода: остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину» (Ахад Хаам).

Вот какой гимн «неравенству рас» сложили отцы-основатели сионизма!

А за две с лишним тысячи лет до этого вожди ветхозаветного племени Ездра и Нехемия запретили своим соплеменникам заключать смешанные браки, а тем, кто уже успел совершить такую ошибку, они приказывали эти браки расторгнуть. Вот уже когда призрак нюрнбергских законов появился на горизонте истории, вот как ваши предки боролись за чистоту расы. Они знали все о неравенстве рас, не заглядывая ни в какие книги. Вы же являетесь их прямыми потомками, и вам бы поблагодарить «научного расиста» Раштана, а вы на него донос в Интернете публикуете. Ратуя за «равенство рас», вы попираете ногами постулаты великих основоположников сионистского государства о принадлежности Палестины «избранному народу», а не каким-то там нищим и оборванным бедуинам.

Алла Гербер много лет заседает в Общественной палате рядом с Николаем Сванидзе, знатоком истории. И это естественно, потому что Общественная палата у нас является своеобразным Синедрионом, куда попадают антифашисты самой высшей пробы. Давайте вспомним, как яростно сражался за свои идеалы Николай Сванидзе в программе «Суд истории». Правда, он проиграл все поединки с Кургиняном, а потом даже и с Дмитрием Киселевым. Но это только потому, что голосовали против него сплошные «совки», ничего не понимающие ни в историческом процессе, ни в национальном вопросе, не знающие того, что светлейший ум еврейства Макс Нордау утверждал: *«Евреи обладают большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах и африканцах»...*

Но глядя на подписантов антифашистского письма, я понимаю, что это, к сожалению, не относится к таким умам, как Евгений Прошечкин и Александр Брод, хотя оба они явля-

ются представителями того избранного народа, о котором великий Генрих Гейне, лежа в кровати, парализованный, страдающий от сухотки спинного мозга, изъеденного сифилисом, писал: *«Еврейство – аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди его дети, но евреи – его любимцы»*. Но какой из Александра Брода «аристократ» и божий «любимец», если его изгнали из нового состава Общественной палаты? Хотя в древности бывали похожие репрессии: именно так ветхозаветная иерусалимская бюрократическая элита изгоняла из святого города своих пророков и даже побивала их камнями за обличение властей. Но Александр Брод поступил, как недостойный сын своих великих пращуров: борясь за свои права человека и директора Московского бюро по этим самым правам, под покровом московской ночи он прокрался в апартаменты Общественной палаты и объявил там политическую голодовку. Смех да и только! И это вместо того, чтобы выйти на Красную площадь, на Лобное место, как это сделала в 1968 году семерка храбрых диссидентов, возглавляемых грудным ребенком Натальи Горбаневской, и закричать на весь мир: «Все расы – не равны, и потому мы являемся избранным народом!»

Как выродились потомки Ездры! Единственное, что они умеют – сочинять кляузы:

«Мы призываем организаторов выставки, генеральную прокуратуру РФ, Российской книжный союз – прекратить этот ежегодный черносотенный шабаш <...> высказать свои позиции в связи с непрекращающейся пропагандой неонацизма, расизма, агрессивной ксенофобии, антисемитизма». Ну хотя бы вспомнили Брод и Прошечкин слова Генриха Гейне, полные восхитительной гордыни:

«Если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему руку»... Слава Богу, у нас далеко ходить не надо. Люди самой чистой расы везде – куда ни плюнь... Но таким, как вы, Генрих Гейне руки бы не пожал...

Сентябрь 2012

I

Брызги шампанского

Начался совершенно дикий шабаш.
Л. Коваль

Мягкой прибалтийской зимой 1962 или 1963 года я жил на Рижском взморье, в Дубултах, и переводил стихи литовского поэта Малдониса.

В это время в литературной среде еще не было мировоззренческого раскола, и в Доме творчества я радушно компанействовал с Василием Аксеновым, с Анатолием Гладилиным, с Григорием Поженяном и сотрудником журнала «Знамя» Самуилом Дмитриевым, которого все звали попросту Мулей. Никто тогда и не мог себе представить, что через несколько лет после арабо-израильской войны 1967 года воздух в мире неожиданно изменится и многие мои друзья вдруг почувствуют себя евреями.

Помню, как добродушный Муля вдруг с восторгом заявил: «Ну и дали мы этим арабам!» – как будто он воевал на Голанских высотах и отрывал окопы в песках Синай.

А я несколько позже, осмысливая эти перемены, написал стихотворенье, вспомнив о мягкой прибалтийской зиме 1962 года:

Пятнадцать лет тому назад
Три друга жили здесь беспечно.
Ну что ж! Никто не виноват,
Что это не продлилось вечно.

Ужель предопределена
Судьбой вся наша доля свыше?
Как развела друзей она:
Один в гробу, другой в Париже.

А третий зимний воздух ртом
Хватает весело и жадно
И снова думает о том,
Что жизнь, как совесть, беспощадна.

Что вздохи матери земли,
Ее озноб, ее тревога
Затем, чтоб в мировой пыли
Не сгинула твоя дорога.

«В гробу» к тому времени был Муля Дмитриев, так радовавшийся победе евреев над арабами, «другой» – это Аксенов с Гладилиным в одном флаконе, а третий – это я. Рядом с нами постоянно возникала журналистка Алла Гербер, неумело изображавшая из себя еврейскую красавицу, что вызывало у меня искреннюю жалость к ней.

На дворе стоял сырой прибалтийский январь, ветер с моря раскачивал под моими окнами старые сосны, с которых обрушивались тяжелые, влажные хлопья снега.

В Дубултах было ветрено и неудобно, все забегаловки в округе нам надоели, и мы решили отпраздновать Старый Новый год в Риге, тем более что наши старшие собутыльники – моряк

Гриша Поженян и бывший разведчик Овидий Горчаков – имели доступ в рижский Дом кино и соблазнили нас провести новогоднюю ночь среди киношной богемы.

Столик для известных столичных писателей нашелся чуть ли не в центре низкого зала. Мы уселись, заказали традиционный латышский «Кристалл», шампанское, миноги и начали потихоньку провожать Старый Новый год.

Поскольку среди нас была единственная женщина – Алла Гербер, то вскоре то ли Гладили, то ли Аксенов предложил выпить за нее. Мы подняли бокалы шампанского, стали чокаяться с нашей Эсфирью, но тут, встав из-за соседнего стола, к нам выдвинулся грузный, крепко выпивший великан-латыш и, обращаясь к Гербер на ломаном русском языке, громко и отчетливо сказал фразу, смысл которой заключался в том, что он пьет за то, чтобы древняя латышская столица как можно скорее освободилась от таких жидовок, как наша Алла.

Зал в Доме кино был небольшой, потолки низкие, голос у латыша зычный... Наступила тягостная тишина, которая тут же разрешилась взрывом, потому что я, умевший в молодые годы (хлебом не корми!) попадать в любые скверные истории, свободной рукою резко ударил снизу лапу латышского медведя-антисемита, да так удачно, что его бокал с шампанским вырвался из толстых пальцев, ударился в низкий потолок, и мы все тут же оказались осыпанными осколками хрусталя и янтарными брызгами божественного напитка.

Что было дальше в эту хрустальную ночь, помню смутно. Меня вырвали из медвежьих объятий латыша, нас растащили, его вывели из зала, празднество продолжалось, латышские киношники (не только евреи!) бросились поздравлять меня с благородным поступком, все восторгались моей спортивной реакцией. Словом, ночь пролетела как нельзя лучше... К утру мы вернулись на такси в Дом творчества. Напомню, что это все случилось сорок с лишним лет тому назад...

А осенью 2007 года в жизни нашей Общественной палаты произошло знаменательное событие. В результате ротации, предусмотренной положением о палате, туда вошли два крупных еврейских функционера – председатель фонда «Холокост» Алла Ефремовна Гербер и руководитель организации со странным названием МБПЧ – «Московское бюро по правам человека» некий Александр Брод, которые заменили собою в Общественной палате двух известных русских писателей Валерия Ганичева и Леонида Бородина... Радиостанция «Свобода», естественно, поздравила новых членов палаты и устроила с Аллой Гербер пространную беседу. Гербер сразу же сказала, что понятие «Холокост» должно войти в российские школьные учебники, что страна больна ксенофобией и не знать этой страницы истории ей нельзя, что ее, Гербер, усилиями в Ростовской области в Змиевской балке, где во время войны было расстреляно несколько тысяч евреев, поставлен памятник жертвам Холокоста – за счет областного бюджета – на 59 млн. руб. (надо было бы с немцев взять, как с правопреемников гитлеровской Германии); что в Общественной палате, кроме нее и Брода, есть *«много порядочных и достойных людей»* (она вспомнила Тишкова, Сванидзе, Резника); что Холокост – это не еврейская тема, а общечеловеческая; что все цивилизованные государства поощряют изучение Холокоста; что она хотела бы видеть в Общественной палате Егора Гайдара и Михаила Ходорковского (ну, тогда уж и Невзлина с Березовским!), что евреям плохо было жить в *«фашистской стране СССР»*, *«им жить здесь не давали»*; что у нас в стране *«был фашизм»*... Вот такими кадрами пополнилась в 2007 году наша Общественная палата.

А вспоминая историю с «брызгами шампанского», можно только добавить, что скандал, разразившийся в новогоднюю ночь в рижском Доме кино, был не случаен, поскольку латышское «гражданское общество» перед началом Второй мировой войны было насквозь пропитано сочным антисемитизмом, о чем рассказала подруга Ахматовой, известная литературоведка Эмма Герштейн в своих воспоминаниях, опубликованных в конце 90-х годов в «Новом мире». Герштейн так вспоминала о встрече с другом Есенина поэтом Иваном Приблудным:

«С собой он привел писателя, сына известного экономиста М. И. Туган-Барановского. Он жил в буржуазной Латвии... рассказывал о своей жизни в Риге. Он был женат на еврейке. На взморье были разные пляжи – для евреев и христиан. Он шокировал родню своей жены, показываясь на еврейском участке, а она выглядела белой вороной на христианском. Туган рассказывал об этом, смеясь, а мне казалось, что я слушаю какие-то сказки о доисторических временах».

В России – царской ли, советской – такое средневековое разделение по разным пляжам – иудейским и христианским – было немыслимо...

Недели через две после новогодней ночи в Риге я зашел в пивной бар возле нашего Дома творчества в Дубултах, сел за столик – и в шумной атмосфере мужского полупьяного веселья выпил пару кружек холодного рижского пива. Перед уходом огляделся. Грузный высокий человек, сидевший за соседним столиком, показался мне знакомым. Более того, несколько раз я уловил на себе его внимательные взгляды. Не придав этому значения, я вскоре встал, оделся и вышел на пустынную заснеженную улочку. Сделал несколько шагов и почувствовал: меня кто-то догоняет. Я прибавил шаг, но меня окликнули со спины, я обернулся и тут же получил удар кулаком в лицо – прямо в переносицу. Очки разлетелись вдребезги, а неизвестный, пользуясь моим замешательством, бросился бежать в безлюдный переулок.

Взрыв ярости, столь знакомый мне по юношеским уличным дракам, сорвал меня с места, я рванулся за ним и, поскольку в те годы еще был в приличной спортивной форме, через несколько мгновений догнал его и беспрерывно, как боксер на ринге, стал молотить бегущего от меня широкими изломанными шагами двухметрового пьяного, грузного человека ударами – в затылок, в ухо, в бычью шею. Мне приходилось чуть ли не подпрыгивать, чтобы достать до его лица, которое он старался закрыть на бегу обеими ладонями. А он еще и кричал при этом что-то латышское или фашистское.

Моя справедливая ярость после нескольких достигших цели ударов сразу же и схлынула... Удовлетворенный исходом короткой схватки, я набрал жменю свежего снега, умыл свое разгоряченное и окровавленное лицо, вернулся на перекресток, пошарил руками в снегу, нашел разбитые очки... «Сволочь! По очкам ударил!» – я посмотрел вслед своему подлому сопернику, который по инерции еще бежал от меня, уже успокоившегося и утолившего жажду мести...

Печально вздохнув, я пошел к Дому творчества, прищуривая близорукие глаза. Но, прокрутив по дороге, словно кинокадры, все происшедшее, понял, что этот латыш и есть обидчик нашей Аллы Гербер.

Жалко, что я не знал тогда ничего о том, кто зверствовал в Хатыни и в Саласпилсе, о латышском Холокосте, о фашистских карательных отрядах айзсаргов – я бы еще добавил этому лесному брату...

Ореол защитника оскорбленной Аллы довольно долго светился над моей головой и не раз, как я теперь понимаю, помогал мне в моей литературной жизни. Но как я его мгновенно заработал, так быстро и промотал в течение одного вечера – 21 декабря 1977 года во время знаменитой дискуссии «Классика и мы».

Гербер же, рассказывая в 2008 году на «Свободе» о музее Освенцима, выразила озабоченность тем, что наши музеи чересчур приукрашивают историю Отечественной войны, что на нее нужно взглянуть по-новому. А тут как раз «по-новому» и взглянули: «бронзового солдата» эстонские неофашисты упрятали с глаз долой, старики-эсэсовцы из батальонов латышских карателей потянулись шеренгами по улицам Риги... Наверняка в их рядах марширует, если он жив, и обидчик Аллы Ефремовны из рижского Дома кино. Вот кого ей надо просвещать и перевоспитывать, вот из какой почвы ей, вместе со Сванидзе и Александром Бродом, надо вырывать корни антисемитизма.

II

Клиника имени Матвиенко

Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далеком волжском берегу, упрямо возвещая великую волю русского народа.

В. Гроссман

В январе 2000 года, в день освобождения Освенцима советскими войсками, в Стокгольме состоялась международная конференция по Холокосту, в которой участвовали главы многих правительств, эксперты, оставшиеся в живых жертвы Холокоста. Делегацию России возглавляла тогдашняя заместительница Председателя Правительства Российской Федерации В. И. Матвиенко; по итогам конференции шведы издали книгу «Передайте об этом детям Вашим. История Холокоста в Европе, 1933–1945»¹, написанную шведскими евреями С. Брухфельдом и П. Левиным. Первый из них, как сказано в аннотации, «член Шведского Комитета противодействия антисемитизму», второй – «эксперт правительственной комиссии по вопросам имущества евреев». Серьезные люди. Профессионалы своего дела.

В предисловии к книге, подписанном шведским премьер-министром Йорганом Персоном, сообщается, что «тираж книги в Швеции уже превысил миллион экземпляров» (видимо, по одной книге в каждую семью) и что «основными заказчиками книги стали родители школьников, а также школы, библиотеки и другие гуманитарные организации». В том же году книга была срочно переведена на русский язык и отпечатана тиражом 20 тыс. экземпляров. Под предисловием к русскому изданию стоит подпись В. И. Матвиенко. Послесловие сочинил бывший замминистра образования, один из крупных чиновников ельцинской эпохи Александр Асмолов.

В сущности, эта книга есть предъявление счета к европейским народам, которые, соблазнившись фашизмом, объединились (кто вольно, кто невольно) в фашистскую Европу и совершили множество преступлений против человечества, одно из которых было названо «Холокостом».

* * *

«Сразу же после поражения в июне 1940 г. режим Виши сам, без давления со стороны немцев, принял ряд антиеврейских законов. Французская полиция с июля 1942-го принимала активное участие в массовых арестах местных евреев». «Депортировали более 80 тысяч» (шведская книга, стр. 34).

Да что говорить, мы и без этой статистики знали, что в нашем плену после 1945 года остались на несколько лет около 50 тысяч французских фашистов, воевавших в войсках вермахта, и молчали об этом, вспоминая лишь про эскадрилью «Нормандия – Неман», про французское Сопротивление, потерявшее в борьбе с оккупантами за 6 лет оккупации не более 20 тысяч человек. Много это или мало? Для сравнения скажу, что народы Югославии из 16 миллионов населения потеряли в партизанской борьбе 300 тысяч человек и даже албанцы из одно-миллионного населения – пожертвовали в борьбе за свободу 29 тысячами своих сыновей!

Понимая, что его родина была послушной коллаборационистской соратницей Германии, де Голль был вынужден после победы союзников объявить амнистию всем гражданам «пре-

¹ В дальнейшем для краткости я буду называть ее «шведская книга».

красной Франции», служившим немцам, амнистировал сотни тысяч публичных француженок, обслуживавших гестаповцев и оккупационные части вермахта. Одним словом, то, что Франция была объявлена одной из стран-победительниц, – является политическим спектаклем, который поставили Сталин, Черчилль и Рузвельт, чтобы показать всему миру монолитность и величие антигитлеровской коалиции и кое-как замазать грехопадение объединенной коричневой Европы.

Из книги «Протоколы Эйхмана»:

«Только после того, как во Франции утвердило свое влияние СС, уполномоченный по еврейскому вопросу Даннекер и его руководитель Эйхман смогли послать французских полицейских на «охоту за евреями», а когда гестаповские полицейские команды привлекли к этому еще французских антисемитов и фашистов, число депортируемых стало расти. В 1940 г. ушли на восток только три состава с евреями, в 1941 г. их было девятнадцать, в 1942 г. – сто четыре и в 1943 г. – двести пятьдесят эшелонов» (с. 120).

Из допроса Эйхмана: *«Эта телеграмма в отдел IV В4, мне в Берлин. Гауптштурмфюрер Даннекер сообщает, что переговоры, ведущиеся с французским правительством в Виши, дали следующие результаты: «Выдать для выдворения из Франции всех евреев без гражданства, проживающих в оккупированной зоне. Премьер-министр Лаваль предложил, чтобы при выдворении еврейских семей из неоккупированной зоны брали и детей моложе 16 лет. Вопрос об остающихся в оккупированной зоне детях его не интересует. Поэтому я прошу о срочном решении – можно ли, начиная примерно с 15-го эшелона с евреями из Франции, отправлять и детей моложе 16 лет?» (с. 126).*

Так что, если положить на весы истории деяния французских фашистов и подвиги эскадрильи «Нормандия – Неман» вместе с сопротивлением «маки», то антифашистская чаша легко взлетит вверх.

* * *

В 1944 году «в течение 42 дней, начиная с середины мая, более чем четыреста тридцать семь тысяч венгерских евреев были отправлены в Освенцим – Бирженау... в конце 1944-го еще около тридцати тысяч евреев погибли во время так называемых «маршей смерти» к австрийской границе или от рук венгерских нацистов»... (шведская книга, стр. 35).

Да, вклад Венгрии в Холокост был, пожалуй, самым впечатляющим из всех стран фашистской Европы – почти полмиллиона евреев!

Правда, в Польше их погибло гораздо больше, в том числе благодаря польскому «классическому антисемитизму», но Польши как государства во время работы Освенцима и Треблинки не существовало, она была оккупирована, и потому венгерский вклад в Холокост, сделанный, что ни говори, во время существования Венгрии как государства, куда более отратителен и подсуден. Хотя, если разматывать весь клубок польской и венгерской распри с евреями, то очень не просто понять, чей антисемитизм круче – и почему.

Разбирая недавно свой архив, я нашел газетную вырезку из «Советской России» за ноябрь 1991 года, 35 лет со дня Будапештского восстания 1956 года. В статье свидетеля венгерских событий журналиста Евгения Попова «По Будапешту на танке» были подчеркнуты моей рукой строки: *«Демонстрация молодежи устремилась к венгерскому радио... при попытке демонстрантов захватить здание пролилась первая кровь. На стенах домов появились антисемитские и антикоммунистические надписи. События приняли неуправляемый характер. Были осквернены памятники советским воинам».*

«Антисемитские надписи» – редкая проговорка для подцензурной советской прессы.

Венгерское восстание 1956 года – самое темное пятно в советской историографии. Что случилось той осенью в Будапеште? Какие силы (помимо американо-советских) столкнулись в

этой короткой, но отчаянной и кровопролитной схватке? Историки советской эпохи, как черти от ладана, отворачивались от этого выброса почти инфернальной ненависти.

А на деле в Венгрии произошла необыкновенно жестокая вспышка гражданской войны венгерских националистов с еврейской и проеврейской коммунистической и чекистской властью.

Националистическая венгерская прослойка попыталась повторить то, что уже происходило в Венгрии в 1919 году, когда было потоплено в крови правительство Бела Куна – еврейский спецназ, представлявший элиту европейского и мирового интернационала, когда сам вождь вместе со своими соратниками-соплеменниками Матиасом Ракоши, Эдвардом Гере, Тибором Самуэли – были вышвырнуты озверевшим народом в центр мировой революции – в Москву, в Советскую Россию.

Вот что сообщает американско-еврейская газета «Форум» (от 3 августа 2007 г.) о режиме Бела Куна:

«Среди 48 народных комиссаров (министров) его правительства 30 были евреями, а среди 202 высших должностных лиц евреев было 161».

Честно говоря, даже при тотальном засилье евреев в ленинскую и раннюю сталинскую эпоху в Советском Союзе их пропорциональное представительство в высших эшелонах власти было все-таки поскромнее. Может быть, именно потому венгерское восстание 1919 года против Бела Куна и его клики было столь яростным и кровопролитным. И не по этой ли причине дальнейшее «холокостное» отмщение венгров-националистов в эпоху фашистского союзничества Венгрии и Германии в 1944 году по отношению к венгерским евреям было столь ужасающим. Венгры – народ куда более страстный и вспыльчивый, нежели славяне.

В 1956 году произошло нечто похожее: для еврейской властной структуры, возглавляемой уже не Бела Куном, расстрелянным в 1937 году, а его постаревшим сподвижником Матиасом Ракоши, и воцарившейся в послевоенной Венгрии с помощью наших штыков еврейской партийно-чекистской бюрократии наступил своеобразный 1937 (или 1919-й?) год. Историк Г. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» так характеризует венгерскую послевоенную высшую элиту:

«М. Ракоши, будучи сам евреем (как М. Фаркаш, Й. Реван, Э. Гере, Г. Петер и другие его ближайшие соратники)... еще в мае 1945 года проинформировал Москву о массовом вступлении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьезной угрозой для ее будущего. Свои опасения Ракоши мотивировал пропагандой враждебных буржуазных сил, которые распространяли слухи о том, что венгерская компартия – это «еврейская фашистская партия» и что повторяется 1919 год. Когда руководство состояло исключительно из евреев во главе с Б. Куном»...

После окончания войны прошло всего лишь одиннадцать лет. Прослойка бывших венгерских фашистов, в числе которых было почти полмиллиона возвратившихся из советского плена 35—40-летних крепких мужчин, обученных воевать, поддерживаемая националистической молодежью – венгерским «гитлерюгендом», – в течение нескольких дней смела венгеро-советскую власть. Восставшие понимали, что в разгаре холодная война, Америка во имя высшей цели – борьбы с СССР – поддержит их, закроет глаза на вспышку венгерского антисемитизма, – и это развязало им руки. Трупы сотен евреев из госбезопасности и ЦК венгерской компартии валялись на улицах и площадях Будапешта, висели вниз головами, подвешенные за ноги на венгерских липах... Из воспоминаний генерал-лейтенанта А. Малащенко «Особый корпус в огне Будапешта»:

«В толпе раздавались свист и выкрики: «Нам не нужны гимнастерки», «Долой Красную звезду!», «Долой коммунистов!», «Долой евреев!» (Военно-исторический журнал, № 10, 1993 г.).

Из статьи венгерского историка Йожефа Форижа, написанной в 1989 г., но поскольку в переходящей на демократические рельсы Венгрии она не могла быть напечатана, то автор опубликовал ее в «ВИЖе» № 8 за 1990 г.:

«Проявлением этого национализма был немедленно всплывший антисемитизм... старшего лейтенанта Яноша Бачи, попавшего в плен при осаде здания радио, повесили во дворе, потому что его посчитали евреем».

«Не мешало бы репортерам и сотрудникам еврейского происхождения телевидения и радио, регулярно направляющим на существующую народную власть, питающим надежду на какое-то буржуазное преобразование, вспомнить о вышесказанном. Их судьба была бы очень сомнительна после преобразования такого рода»

Из книги В. А. Крюкова «Личное дело» (М., Эксмо, 2003, с. 45):

«Лозунги произносились самые разные – от социалистических до откровенно фашистских <...> тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, «агентов Москвы»; «О контрреволюционном характере событий свидетельствуют идеи, провозглашенные участниками: антикоммунизм, национализм, антисоветизм, антисемитизм» (с. 51).

Поэтому, видимо, весьма недвусмысленно и твердо прозвучали слова из приказа Главнокомандующего объединенными вооруженными силами Варшавского пакта маршала И. С. Конева, повелевающие раздавить венгерских мятежников:

«События показали, что активное участие в этой авантюре бывших хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему Отечеству... нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией» (ВИЖ, № 12, 1993 г.).

А мы забыли об этом на 12 лет, и лишь ноябрь 1956 года в Будапеште вернул нам память...

В августе 2008 года я получил письмо из белорусской Орши от Сергея Лысковского, служившего в нашей армии осенью 1956 г. в Венгрии и видевшего путч своими глазами.

Вот несколько отрывков из его письма:

«С 26 по 30.X в пригороде Дебрецена банды уничтожали семьи наших офицеров и тех, кто их приютил <...> Утром вижу у казармы – листовок полно! На фото – наши солдатики без голов, за ноги привязаны на вагонах-телятниках <...> на дорогах оставляли младенцев. Вылезет сердобольный наш танкист убрать с пути – и гибнет <...> Один танк, сбив перила моста, слетел в реку – и все погибли: не мог водитель задавить дитя».

На такого рода садистскую жестокость едва ли были способны венгерские студенты – по официальной версии, якобы главная сила венгерского путча. Это дела и опыт бывших оккупантов – солдат рейха. И еще из письма Лысковского: «ЕБН (Ельцин. – Ст. К.) покался перед хортистской Венгрией».

Вчерашние венгерские военнопленные подтвердили в эти дни свою репутацию жесточайших карателей, которую они заработали на оккупированной советской земле... И у Москвы, конечно, независимо от решения «еврейского вопроса» в Венгрии, независимо от того, какой национальности был посол Советского Союза в Будапеште Андропов (у русских образовались свои счеты с венграми), был единственный выход: раздавить эту попытку фашистского реванша танками и посадить во власть вместо ненавидимых венграми евреев коренных, но умеренных венгров, вроде Яноша Кадара, у которого, кстати, в тайных застенках при Матиасе Ракоши на руках были вырваны ногти.

Конечно же, в дни лихорадочной политической чехарды, неудавшейся попытки опереться на Имре Надя Москве было выгодно объявить все происходящее происками американского империализма (что отчасти соответствовало истине) и ни в коем случае не выявлять

«антисемитскую составляющую» бунта. Не забудем, что на дворе стоял 1956 год с недавним XX съездом КПСС, с осуждением сталинского «антисемитского» 1937-го, да и 1949 года. А тут, как на грех, – венгерский «антисемитский реванш»...

Писатель Сергей Небольсин, жена которого является венгеркой и в доме которого постоянно гостят венгерские историки и филологи, недавно рассказал мне следующую историю:

– Приехал к нам профессор литературовед Кроль, разговорились, и он поделился с нами воспоминаниями о 1956 годе.

– Мне было всего шесть лет. Однажды, в разгар восстания, я вышел на улицу и увидел, что на дверях нашего дома появилась надпись: «На этот раз мы не доведем вас до Освенцима»...

Я вернулся в дом и спросил отца: что значит эта надпись?

Отец смутился, но потом, понизив голос, сказал мне:

– Сынок, тебе надо знать, что мы не венгры. Мы – евреи.

Но одно меня озадачивает до сих пор: почему наши еврейские либералы всю последующую историю восхваляли венгерский 1956 год как восстание против советского тоталитаризма, как борьбу под лозунгом «За нашу и вашу свободу»? Или их ненависть к социализму настолько мутила разум, что они в упор не видели антисемитской закваски венгерского взрыва и, проклиная сталинский 1937 год, одновременно оплакивали поражение венгерского термидора?

Полвека прошло с тех пор, и все равно у нашей либеральной образованщины в душе еще чадит это антисоветское пламя (с антисемитским отблеском!). Свидетельство тому – шабаш на радиостанции «Свобода», где в ноябре 2006 года собравшиеся на этот кровавый юбилей восстания кадили ему славу и читали стихи своих кумиров, прославлявших в 1956 году анти-советский и антисемитский путч. Конечно, вспомнили стихи Манделя-Коржавина:

Я живу от нужды без надежды,
Я лишен и судьбы, и души,
Я однажды восстал в Будапеште
Против фальши, насилья и лжи.

(Цитирую, как запомнилось со слов кого-то из выступавших, кажется, Натальи Ивановой.)

Своим хрипловатым тенорком делился воспоминаниями о пятьдесят шестом годе Юз Алешковский: «*Свет промелькнул! Мы ненавидели советский режим и с радостью сообщали друг другу, что Венгрия восстала*». Хорошо бы спросить Юза Алешковского вместе с Наумом Коржавиным, а от кого, по-ихнему, бежало в ноябре 1956 года во Францию семейство Саркози – от советских танков или от венгерских антисемитов?

Прозвучали на «Свободе» и песенные строки Владимира Высоцкого, проклинаящего наше усмирение Будапешта, а заодно и Праги:

Мне сердце разрывает Будапешт,
Мне сердце разрывает Злата Прага.

Как же надо было страстно и слепо ненавидеть свою родину, свой народ, свою трагическую историю, чтобы забыть о том, сколько горя принесли нам венгерские оккупанты во время войны, чтобы не понимать антисемитскую подкладку будапештского бунта, чтобы забыть, как чешские легионеры дважды прошли с огнем и мечом по нашим землям – в 1919 году в составе чехословацкого корпуса и в 1941—45 годах в составе коричневого рейха (их, этих добродушных швейков, в нашем плену было, конечно, меньше, чем венгров, но все-таки около 50 тысяч человек!). В основном это были водители немецких «тигров» и «фердинандов».

* * *

В сентябре 1938 года Англия и Франция, трепетавшие перед германской мощью, отдали на растерзание немцам Судетскую область Чехословакии. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды, и через несколько месяцев, в марте 1939-го Гитлер, убедившись, что Лондон и Париж прогнулись перед Берлином, оккупировал Чехословакию целиком. Марина Цветаева, к тому времени переехавшая во Францию, но много лет прожившая в Чехословакии, пришла в отчаяние и посвятила этой трагедии цикл из пятнадцати стихотворений. Ее экзальтированное воображение пыталось нарисовать картину благородного и отчаянного сопротивления чешского и словацкого народов германским гуннам: *«В клятве руку подняли все твои сыны – умереть за родину всех, кто без страны»*, Отважные славяне в ее воображении отстаивали Чехословакию, как вторую родину всех изгнанников, в числе коих она видела и себя... В отчаянье она хваталась за любые подтверждения того, что Чехословакия сопротивляется, что если не свобода, то честь ее любимой Богемии спасена. К своему стихотворению «Один офицер» она даже поставила эпиграф:

«В Судетах, на лесной чешской границе офицер с двадцатью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен (из сентябрьских газет 1938 г.)»

Ее не смутило, что солдаты не пошли за своим офицером, выстрелы которого в сторону немцев привели ее в неописуемый восторг:

Из лесочку – живым манером
на громаду – да с револьвером!
Пока пулями в немца хлещет, —
целый лес ему рукоплещет.
Понесена
Добрая весть,
что спасена
Чешская честь.
Значит – страна
Так не сдана.
Значит – война
все же – была!

А когда немцы стали хозяевами всей Чехословакии, она опять же выискала в европейской прессе сообщение о том, что *«чехи подходили к немцам и плевали»* (см. *мартовские газеты 1939 г.*). И воспела это свидетельство «мужественного» сопротивления в стихотворении «Взяли»:

Брали – скоро и брали – щедро:
Взяли горы и взяли недра.
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас и хрусталь.
.....
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руки и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

Но куда делись «сталь», и «уголь», и «свинец», и «пули», и «ружья» – что случилось? – От всей вооруженной мощи остались одна «слюна»?!

Экзальтация Марины Цветаевой никогда не имела пределов. Она влюблялась в молодости сначала в мужчин, а потом в женщин, она могла в одно время отдать свое сердце Германии («Германия! Мое безумье! Германия – моя любовь!»), а в другое – проклясть немецких гуннов. Могла до небес воспеть Белую гвардию (в «Лебедином стане»), а потом с тем же вдохновением прославить Советский Союз в стихах к сыну – и подвиг челюскинцев... И, убедившись, что в Чехословакии кроме одного офицера никто не защитил Родину и что кроме слюны у чехов не осталось другого оружия, поэтесса решила прославить не армию, а весь народ:

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
– Народ! Какой народ!
Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит измором взять?

20 мая 1939 г.

Из будущего коллаборационистского Парижа, готового через год сдать немцам, как и Прага, к чешскому народу весной 1939 года чуть ли не каждый день летели рифмованные призывы Цветаевой к борьбе, к сопротивлению, к восстанию против европейских гуннов: «*Богемия! Богемия! Не лежи, как пласт! Бог подавал обеими и опять подаст*»; «*С объятьями удавymi Расправится силач!*»; «*За здоровье, Моравия! Словакия, словач!*»; «*Не погибнет чех*»...

Стихи пишутся каждый день! Вдохновение не иссякает! Заключительное стихотворенье чешского цикла поднимается до высот, где живут не просто стихи, но государственные гимны:

Процветай народ, —
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранит,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939 г. Париж

Видимо, из французского «далека» пошлые исторические подробности чехословацкой драмы были плохо различимы для ее близоруких глаз... На самом же деле оккупация Чехословакии была весьма странной, поскольку и власть и народ были не достойны ни восхищения Марины Цветаевой, ни романтических надежд, которые она на них возлагала.

* * *

Итак, 29 сентября 1938 г. в Мюнхене западные демократии сдали Чехословакию Гитлеру. Утром 30 сентября президент Бенеш получил из Берлина ультиматум о том, что в течение 10 суток Судетская область должна перейти под власть Германского рейха. Чехи не стали ждать десять дней, посоветовались полтора часа, и премьер-министр республики Ян Суровы сообщил Берлину и гражданам своей страны, что ультиматум принят. Во время полуторачасового обсуждения германской ноты министр иностранных дел чешского правительства Камилл Крафта заявил своей политической и военной элите:

«Теоретически ультиматум можно отвергнуть. За этим последует война, в которой никто нас не спасет». Когда немецкие войска вошли в Чехословакию, многотысячные толпы народа приветствовали их во всех городах и весях, в том числе и в Праге, где дед и тезка будущего президента нашей эпохи крупный коммерсант Вацлав Гавел приветствовал гитлеровцев с балкона своего, как сказали бы сейчас, супермаркета... Если кто-то из чехов и плевал в сторону немцев, чем восторгалась Цветаева, то, видимо, немцы этого не заметили. Вот так Чехословакия стала протекторатом великой Германии, и в июле 1941 года президент протектората чех Эмиль Гаха обнародовал послание гражданам, в котором говорилось:

«Для того, чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внес свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 миллиардов крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне».

Откупились. И на эти 5 миллиардов крон началась работа «чешского народа» «в области снабжения и вооружения» гитлеровского вермахта. 122 чешских военных завода, 12 000 средних и мелких предприятий, два с половиной миллиона самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов, начиная с 1939 и по 1945 год, ковали победу вермахта, снабжая гитлеровскую армию танками, грузовиками, пушками, автоматами, винтовками, револьверами и т. д.

Гитлеровские офицеры, получив отпусков с фронта, стремились именно в Чехословакию, которая предоставляла им все возможности для восстановления сил и здоровья, потраченных на Восточном фронте, о чем знаменитая киноактриса Ольга Чехова писала в своих воспоминаниях: «Злата Прага не утратила своего блеска; и в гастрономическом отношении она предлагает удовольствия, которых в рейхе для простых смертных уже давно не существует. Короче: Прага – отдых от войны». Даже в Париже, где для гитлеровской офицерии пели в ресторанах Ив Монтан и Эдит Пиаф, и которых обслуживали проститутки и многие честные женщины Парижа, не было столь комфортных условий для отдыха оккупантов. Все-таки во Франции какое-то, хотя и жалкое сопротивление, но было. А в Чехословакии не было ничего опасного – ни сопротивления, ни партизан – сплошной комфорт...

Бедная, наивная, экзальтированная, умевшая зомбировать самую себя Марина Цветаева! Хорошо, что она ничего не узнала о позорном лакействе ее любимой Чехии, ее прекрасной Богемии, ее сказочной Моравии! Хорошо, что она не знала о том, что в составе гитлеровского рейха, топтавшего ее родину Россию, было около ста тысяч коричневых Швейков, шестьдесят тысяч из которых после окончания войны работали как военнопленные, восстанавливая наши города, разбитые «тиграми», самоходными орудиями, бомбардировщиками, которыми управляли и командовали ее любимые чехи и словаки.

Слава Богу, она не узнала о том, что какие-то плевыки разгневанных чехов и какие-то выстрелы одинокого чешского офицера по немецкой колонне скорее всего явились выдумкой желтой европейской прессы, о которой она сама писала с благородным негодованием:

что ни столбец – навет,
что ни абзац – отврат...

Слава Богу, что она не узнала о том, что президенту протектората Эмилю Гахе, в свое время торжественно сообщившему о «военном взносе» чешского народа в военную промышленность Рейха в размере 5 миллиардов крон, в канун 50-летия победы над фашизмом была открыта в Праге мемориальная доска «за вклад в сохранение Чехословакии» в годы Второй мировой войны.

Слава Богу, что Марина Цветаева так и не узнала слов американского посла в послевоенной Чехословакии Штейнгарда, который сказал:

«Чешский народ всегда отдавал предпочтение жизни без напрасной борьбы, нежели борьбе за свою свободу»...

Остается только вспомнить ее искренние и предельно наивные строки:

*Так и стою, раскрывши рот:
Народ! Какой народ!*

Да, Пушкин прав: «Поэзия должна быть глуповата»... А Марина Цветаева не зря любила Пушкина!

* * *

Жаль, что в роковые ноябрьские дни 1956 года ни Коржавин-Мандель, ни Юз Алешковский, ни Владимир Высоцкий не были в Будапеште. Если остались бы живы и все повидали бы собственными глазами, то, думаю, никогда не писали бы таких глупых и подлых по отношению к своей родине стихов и песен. Да и как можно было забыть – разве что в припадке антисоветского вдохновения – этим двум евреям, Коржавину и Алешковскому (да и Высоцкий полукровка), о том, что рекордное количество евреев в 1944 году (около полумиллиона, и всего за 42 дня!) было собрано при помощи венгерского населения и отправлено благодаря чрезвычайным усилиям венгерской администрации, жандармерии и прочих силовых структур в Освенцим на возведение оборонительных рубежей перед наступающей Советской армией. Конечно, в Венгрии еврейским вопросом занимался Эйхман, но страна была в известной степени самостоятельной и управлялась диктаторами, сначала Хорти, а потом Салаши, – коренными венграми. Без помощи венгров на разных уровнях такую грандиозную акцию было провести невозможно. Из протоколов допроса Эйхмана:

«В непринужденной беседе за стаканом венгерского вина я сообщил им (Ласло Эндре и Ласло Бать – статс-секретари венгерского Министерства внутренних дел. – Ст. К.), что Гитлер отдал приказ немецкой полиции, что он будет рад, если венгерских евреев <...> отправят в Освенцим. Затем я объяснил им, что хочет рейхсфюрер: предельный возраст 60 лет, не надо нетрудоспособных мужчин, нетрудоспособных женщин и детей; питание на два дня, жестокого обращения по возможности избегать (значит, везли не в газовые камеры, не для «окончательного решения еврейского вопроса», а на принудительные работы. – Ст. К.). Венгерская полиция провела в Будапеште эти мероприятия с евреями... Доктору Эндре пришлось договариваться с венгерской жандармерией, потому что там возникли разногласия – они хотели брать всех подряд, без ограничений возраста» (с. 187).

А совсем недавно, в сентябре 2008 года, я участвовал в телевизионной передаче, посвященной «оттепели». И критик Наталья Иванова вспоминала стихи своего покойного мужа Александра Рыбакова. Я не запомнил их полностью, но строки «Ах, романтика, синий дым, в Будапеште советские танки» – остались в памяти, тем более что в конце с пафосом были причитания: «Сколько крови в подвалах Лубянки»... А сколько еврейской крови было на улицах Будапешта? Об этом, конечно, не желали думать ни Наталья Иванова, ни ее покойный муж, сын писателя Анатолия Рыбакова, автора известных в свое время романов «Дети Арбата» и «Тяжелый песок», романов о еврейских судьбах. Традиции венгерского антисемитизма неискоренимы. Не случайно во время нынешнего тотального кризиса, приведшего Венгрию на грань банкротства, они ожили в стране, которая совсем недавно бурно торжествовала свое вступление в Европейское сообщество. А в апреле 2009 года капитан мадьярской гвардии Андраш Драшкевич уже заявил в своей речи на Венгерском государственном телевидении: «Евреи управляют миром. Для их фокусов нужно лишь два миллиарда человек, а остальная

часть человечества будет уничтожена» («Еврейская газета», № 5, 2009 г., статья Д. Спритца «Чем подогревают себя ультраправые»).

Если синедрион верховных жрецов выносит какие-то решения, то мелкие жрецы-шестерки должны проглотить язык, склонить головы и в упор не видеть, не вспоминать, как терзали венгерские фашисты венгерских евреев в 1956 году. Дуглас Рид в книге *«Спор о Сионе»* почти понимал сущность происходящего, когда писал, что *«советская военная машина подавила народное восстание в Венгрии, восстановив в этой стране еврейско-коммунистический режим...»*. Но мелким жрецам было приказано закрыть глаза на еврейскую кровь 1956 года: на кону лежало нечто большее. Надо было осудить ввод советских танков в Будапешт и получить козырную карту для шельмования Советского Союза вплоть до окончательной победы над ним. *«Ведущие еврейские организации Америки, – пишет Н. Финкельштейн в книге «Индустрия Холокоста», – даже вступление советских войск в Венгрию в 1956 году заклеили как «лишь первую станцию на пути в русский Освенцим»* (с. 15). Какая абсурдная логика! Наоборот, нечто подобное гитлеровской Хрустальной ночи, то есть еврейский погром бушевал на улицах Будапешта. И если не всех евреев в те дни истребило венгерское «народное восстание» (по словам Дугласа Рида), то лишь потому, что в город вошли советские танки. Точно так же в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века шестеркам Холокоста было приказано не вспоминать о вкладе в Холокост украинских палачей Романа Шухевича, оуновцев и бандеровцев, организовавших резню евреев на Львовщине, о латышских лагерях смерти, куда евреев сгоняли местные националисты, об украинских карателях, спаливших вместе с жителями белорусскую Хатынь... Им, этим шестеркам, был дан приказ поддерживать все «народные фронты», все «Саюдисы» и «Рухи», чтобы те завершили главное дело по развалу Союза. И лишь потом, когда «поезд ушел», когда бывшие республики благодаря своим националистам стали «незалежными государствами», Синедрион развернулся на 180 градусов и прикрикнул на своих лакеев, чтобы они утихомирили антисемитскую прыть.

(Документы из архивов Белоруссии, свидетельствующие, что Хатынь – дело рук 118-го полицейского батальона, состоявшего из украинских националистов, были переданы украинским властям еще в эпоху правления президента Ющенко.)

Когда у мировых владык есть высшие цели, более значительные, нежели лицемерная защита овец израилевых, то они с легким сердцем «сдают» свое послушное стадо. Точно так же, как сдавали его вожди сионизма во время торговли с гитлеровской элитой.

* * *

Вопреки расхожему мнению о том, что итальянцы были всего лишь навсего особыми апеннинскими фашистами и отнюдь не расистами и антисемитами, они все-таки внесли, как утверждает шведская книга, скромный вклад в общеевропейское дело «Холокоста»: *«В июле 1943 года немецким войскам при поддержке итальянских нацистов удалось захватить восемь из тридцати пяти тысяч местных евреев и депортировать их в Освенцим»* (шведская книга, с. 35).

Особую жестокость в геноциде и сербов, и евреев проявило небольшое, но кровожадное хорватское государство – вернейший союзник гитлеровской Германии, руководимое уставами Анте Павелича: *«Хорватских евреев обязали носить «Звезду Давида», а их собственность была конфискована. Только в концлагере Ясеново были убиты десятки тысяч сербов и двадцать из тридцати тысяч хорватских евреев. К концу октября 1941 года почти все евреи Хорватии были уничтожены. Около семи тысяч уцелевших чуть позже отправили в Освенцим. Всего же за время войны лишились жизни более шестидесяти тысяч югославских евреев»* (шведская книга, с. 35). Но как изменилось за полвека время! Как либеральный Запад в наши

дни поддержал гитлеровскую антисемитскую союзницу Хорватию и сокрушал антифашистскую, непокорную Сербию!

...Ну и, конечно, румыны... Когда-то знаменитый немец фон Бисмарк произнес опрометчивую фразу, что *«румыны – это не нация, это профессия»*. Может быть, поэтому, став верными сателлитами фашистской Германии, румыны сделали все, чтобы доказать немцам, что они – нация, и отправили несколько сот тысяч своих солдат на Восточный фронт, а с евреями, как утверждает шведская книга, поступили, как потомки римских легионеров: *«К началу войны в Румынии проживали свыше семисот пятидесяти тысяч евреев. Около ста шестидесяти тысяч из них были доведены до голодной смерти или расстреляны румынскими и немецкими войсками в Бессарабии и Буковине, а еще сто пятьдесят тысяч отправили в Транснистрию, где в большинстве своем они были уничтожены вместе с местными евреями»* (шведская книга, с. 35).

О голландцах и норвежцах сказать почти нечего, их вклад в общеевропейское дело ничтожен: при помощи соратников Квислинга всего лишь пятьсот тридцать два норвежских еврея были в 1942 году насильно посажены на немецкое судно «СС Донау» – и с тех пор их никто не видел в Норвегии. А голландцы за все годы войны собрали по всей стране один-единственный эшелон евреев – чуть больше трех тысяч – и отправили их в концлагерь Собибор, за что доселе они обязаны соблюдать культ новой святой Холокоста Анны Франк. Дело дошло до того, что недавно чиновники местного самоуправления в Амстердаме обнаружили, что старый, чуть ли не столетнего возраста каштан возле ее дома почти сгнил, вот-вот рухнет на соседний дом, и решили его спилить. Но еврейская община запротестовала (оказывается, Анна Франк, умершая в 1945 г., упоминала об этом каштане в своем дневнике, часть которого, кстати, записана шариковой ручкой послевоенного производства), подала на чиновников в суд, который принял решение сохранить каштан, и сейчас специалисты ломают головы, как омолодить сгнившее дерево. Об этой мелодраме пишет московский ежемесячник «Холокост» в № 1 за 2008 г.

Культ несчастной и ничем не примечательной еврейской девочки в послевоенные годы усилиями жрецов Холокоста приобрел невиданные и даже уродливые масштабы и формы. Как сообщает энциклопедия «Холокост» (изд. «Роспэн», М., 2005 г.), *«улицы, школы, деревни и леса были названы в ее честь. Картины и статуи увековечили ее образ. В память о ней сочинялись стихи и песни... В 1957 году отец Ф. увековечил память о дочери тем, что помог основать фонд Анны Франк в Амстердаме»* (с. 647).

Даже известная исследовательница истории Холокоста Ханна Арендт была настолько обескуражена этой коммерческой кампанией, что в 1962 году с горечью заметила: *«Поклонение Анне Франк стало формой дешевой сентиментальности за счет великой катастрофы»* (там же).

Более того, энциклопедия «Холокост» утверждает, что *«выжившие узники лагерей и др. люди выражают негодование и сожаление по поводу того, что считают эксплуатацией культа Франк»*.

Сказано хотя и косноязычно, но по существу дела.

* * *

А вот еще любопытные сведения из шведской книги.

В 1944 году видные деятели международного еврейства обратились к англичанам, чья авиация уже владела воздушным пространством над всей Европой, с просьбой подвергнуть бомбардировкам железные дороги, ведущие из Венгрии к Освенциму, чтобы прекратить депортацию евреев через Словакию в лагерь смерти. *«Шел последний год войны, союзные войска контролировали воздушное пространство Европы. Американские бомбардировщики почти ежедневно пролетали над лагерем, однако в силу ряда причин американское и британское*

командование отказывалось отдать приказ о бомбардировке... Некоторые официальные объяснения, сделанные во время войны, звучат цинично. Вот какой ответ дал член британского кабинета Ричард Лоу известному еврейскому общественному деятелю Хаиму Вейцману: «Довожу до Вашего сведения, что после детального изучения данного вопроса командование наших ВВС вынуждено отклонить ваше предложение в связи с большими техническими сложностями...» Одни историки видели причину отказа от бомбардировок в антисемитизме <...>, но как бы то ни было, факт остается фактом: реальная возможность спасти тысячи людей от газовых камер так и не была использована...» (шведская книга, с. 80).

Правда, на Тегеранской «ахмадинежадовской» конференции по Холокосту была высказана еще одна точка зрения – почему западные союзники не бомбили подъездные пути к Освенциму: сохранилось множество фотоснимков лагеря с самолетов, на которых не видно было ни действующих газовых печей, ни дымящих труб, ни исполинских костров, на которых якобы постоянно сжигались десятки тысяч трупов. Если это так, то отказ британцев бомбить железнодорожные пути, ведущие к газовым печам, – вполне логичен. Если тегеранские историки не правы и англичане виноваты, то Алле Гербер необходимо удвоить свои усилия, чтобы английские школьники узнали о подлом поведении английской элиты по отношению к несчастному европейскому еврейству.

Конечно, у Англии с Америкой рыльца в пушку!

«13 мая 1939 г. около тысячи еврейских беженцев, спасаясь от нацистов, покинули Гамбург на борту немецкого парохода «Сент-Луис» и отправились на Кубу. Однако Куба отказалась их принять. Попытки получить убежище в США тоже ни к чему не привели. 17 июня после месяца странствий пассажирам пришлось сойти на берег в Антверпене. Большинство, в конце концов, оказались в руках нацистов и погибли в лагерях уничтожения» (шведская книга, с. 79).

Бедные евреи! Ну то, что их не любили венгры за белакуновскую революцию 1919 года, – это хоть можно понять и объяснить. Были причины нелюбви и у поляков к евреям – за века жестокого взаимного конкурентного существования, когда они накопили друг против друга немало взаимных обид; даже французов понять можно, если вспомнить то унижение, которое испытала Франция в эпоху «дела Дрейфуса»...

Но за что кубинцы и американцы отказались помочь евреям? Разве что только из расчетливого эгоизма, замешенного на протестантской этике и католическом антисемитизме...

Жаль, что евреи до сих пор не решились выставить денежный счет высокомерным янки за тысячу своих мучеников Холокоста, попавших в Освенцим по их вине. Ведь сумели же они слупить хорошие деньги со швейцарцев, которые во время войны подобно американцам не впускали евреев, искавших спасения, в нейтральную Швейцарию! А если те и проникали нелегально, то бдительные швейцарцы сразу же выдавали их обратно немцам на расправу.

К слову говоря, после 17 сентября 1939 года, когда под напором вермахта рухнуло Польское государство и еще не установилась окончательно граница между Германией и СССР, рассекшая Польшу «по линии Керзона», и когда волна Польских евреев, не желавших оставаться под властью Гитлера, хлынула на советскую сторону, мы, в отличие от американцев, приняли их всех и тем самым спасли от неизбежной гибели в Освенциме или в Треблинке. Они автоматически стали советскими гражданами, поскольку проживали в местечках Западной Украины и Западной Белоруссии. А их было около 2 миллионов. Так что «мировая общественность» (в том числе, конечно, и еврейская) должна быть благодарна Советскому Союзу за то, что пакт Молотова – Риббентропа значительно уменьшил цифру реальных потерь еврейства во время Холокоста. И Сталина следовало бы поблагодарить за присоединение прибалтийских государств и Бессарабии с Буковиной к Советскому Союзу. Все-таки евреям из этих земель было куда бежать в начале войны – на Восток, чем многие из них и воспользовались. А если бы война застала их в Польском государстве, в независимых прибалтийских странах, то их ждало бы

«окончательное и стопроцентное решение вопроса». Немало я встречал в своей жизни евреев, ставших в 1939–1940 годах гражданами СССР, убежавших в 1941 году в тыл страны, что их и спасло. Так почему же нынешнее еврейство прокликает пакт Молотова – Риббентропа, аннексию Западной Украины и Западной Белоруссии, «оккупацию Прибалтики»? Не понимаю... Хотя эта психологическая ситуация, в общем, та же, что и с оценкой «прогрессивной общественностью» венгерского 1956 года...

Из шведской книги:

«К началу 1942 г. айнзацгруппы с помощью войск СС, полиции, вермахта и местных коллаборационистов уничтожили на советской территории более миллиона человек» (с. 85). Это тех евреев, которые, к сожалению, не успели убежать на Восток. «При проведении карательных операций в Прибалтике айнзацгруппы получали значительную помощь от местной полиции». «Айнзацгруппы, действовавшие в Восточной Европе и на территории бывшего СССР, при поддержке полицейских батальонов и других подразделений уничтожили около двух миллионов человек» (с. 53).

В каждом из «лагерей смерти» – Бельжец, Собибор, Трешлинка – *«работали примерно тридцать немецких солдат и около сотни наемников из Украины и стран Прибалтики» (с. 56).*

Вот куда надо отправляться «миссионерствовать» и внедрять новую мировую религию Холокоста нашей Алле Гербер с ее верными помощниками. А заодно посетить Польшу, селение Едвабне, где поляки-антисемиты сожгли в закрытых конюшнях около 2 тысяч своих едвабненских евреев, где несколько еврейских погромов было в 1946 году, уже «после Освенцима», что случилось, впрочем, и в Венгрии, где произошли еврейские погромы в Кунмодарше (май 1945 г.) и в Мишкольце (июнь 1945 г.!). Сведения взяты из энциклопедии «Холокост», стр. 138.

Из шведской книги о поляках:

«Многие доносили немецким властям о побегах евреев из гетто или, взяв у беглецов деньги за предоставление им убежища, затем выдавали их нацистам» (с. 77).

А что происходило в Польше после войны, в 1946 году, «после Освенцима»?

«Когда около трехсот тысяч уцелевших евреев – из трех миллионов, живших в Польше до войны, – вернулись домой, они были встречены в лучшем случае холодно, а в худшем – открыто враждебно. Случались погромы, из-за которых многим евреям пришлось эмигрировать» (с. 77).

Так что памятники убитым евреям во время погромов 1946 года надо ставить в польских городах – в Кельцах, в Парчеве, в Люблине. Это последние настоящие погромы в Европе, ставшие добавлением к уже прошедшему Холокосту... И о двух венгерских погромах надо вспомнить.

В общем, шведская книга о Холокосте составлена не без пропагандистского красноречия – но с цифрами, с фактами, с фамилиями. Главная ее ценность заключается в том, что она убедительно доказывает: родина Холокоста не только Германия, но вся коричневая Европа, которую надо до сих пор перевоспитывать.

А что же наша страна? Боролась она с «катастрофой» или способствовала ей? В этой книге много чего сказано о Советском Союзе, но в основном, к сожалению, глупого, лживого и даже смешного.

«Советский Союз вел борьбу за выживание и хотя почти ничего не сделал, чтобы помочь евреям, нельзя не признать, что во время войны это государство евреев не дискриминировало» (с. 74).

Ну, спасибо, признали, похвалили... Неужели госпожа Матвиенко, написавшая предисловие к этой книге и благословившая ее издание в России, не знает, что именно советские войска, неся громадные потери, освободили оставшихся в живых евреев из главных лагерей смерти: из Освенцима, из Трешлинки, из Майданека, из Собибора, из Бельжеца, из Хелмно, из

Равенсбрюка, из Саласпилса, из Вильнюсского, Минского, Каунасского, Винницкого и прочих многочисленных гетто... Зная, что Советский Союз, освобождая Европу от коричневой чумы, пожертвовал более чем двадцатью миллионами своих сыновей и дочерей, зная, что только прямые военные потери составляют девять миллионов самых сильных и самых молодых мужчин нашего народа, зная, что только в ленинградской блокаде погибло около миллиона ее земляков, – тогдашний вице-премьер правительства России, нынешний губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко благословляет унижительную клевету на державу-победительницу и ее героический народ:

«В западных исследованиях Холокоста до недавних пор в категорию «наблюдателей» попадали, прежде всего, нейтральные страны, например Швеция и Швейцария, а также страны, участвовавшие в войне на стороне союзников (Советский Союз, США, Великобритания). Можно сказать, что все они стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей» (шведская книга, стр. 94). Да вы, Валентина Ивановна, рекомендуя эту книгу к изданию, просто вытерли ноги нашим Знаменем Победы.

Вы, госпожа Матвиенко, вместе с составителями и авторами шведской книги, чтобы обогатить итоги Великой Отечественной войны и нашей Победы, чтобы изобразить Советский Союз антисемитским государством, умолчали о знаменитой книге Василия Гроссмана «Треблинский ад», в которой будущий кумир либеральной еврейской интеллигенции писал в 1944 году после посещения Треблинки честную правду о том, что спасение евреев, томящихся в гитлеровских концлагерях, зависело только от Советской армии:

«Весь мир молчит, подавленный, поработанный шайкой захвативших власть бандитов. Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далеком волжском берегу, упрямо возвещая великую волю русского народа к смертной борьбе за свободу, будоража, сзывая на борьбу народы мира».

Если вам, госпожа Матвиенко, этого гроссмановского свидетельства мало – приведем еще одно: «Видно, ужасна была сила русского удара на Волге, если сам Гиммлер прилетел самолетом в Треблинку и приказал срочно замести следы преступления, совершенного в 60 километрах от Варшавы. Такое эхо вызвал могучий удар русских, нанесенный немцам на Волге <...> и разве не удивительный символ, что в Треблинку под Варшаву пришла одна из победоносных сталинградских армий».

А вот еще одно свидетельство честного летописца войны Василия Гроссмана о «Треблинском аде» и еврейском мальчике: «Рассказывали о мальчике, кричавшем у входа в «газовню»: «Русские отомстят, мама, не плачь».

Обратите внимание, Валентина Ивановна, на одну особенность гроссмановского повествования: «воля русского народа», «сила русского удара», «русские отомстят»...

В 2008 г. в одной из передач на радиостанции «Свобода» Алла Гербер заявила, что фашизм и сталинизм это одно и то же, что это ей стало ясно после того, как она прочитала книги Василия Гроссмана. Я не знаю, из каких книг председательница фонда «Холокост» это вычитала, но очень советую ей перечитать «Треблинский ад» и выучить наизусть хотя бы такие нетленные скрижали гроссмановского текста: «Невольно еще раз хочется преклониться перед теми, кто осенью 1942 года при молчании всего ныне столь шумного и победоносного мира вел бой в Сталинграде против немецкой армии, за спиной которой дымились и клочкотали реки невинной крови. Красная Армия – вот кто помешал Гитлеру сохранить тайну Треблинки».

Алле Гербер и Валентине Матвиенко по их статусу должно знать, что писал выдающийся антифашист Василий Гроссман об уничтожении узников Треблинки 23 июля 1944 года: «Удалось спастись варшавскому столяру Максу Левиту <...> он рассказал, как, лежа в яме, слушал пение тридцати мальчиков, перед расстрелом затянувших песнь «Широка страна моя родная», и слышал, как один из мальчиков крикнул: «Сталин отомстит».

Так что вы, Валентина Ивановна и Алла Ефремовна, вольно или невольно глумитесь над убеждениями Василия Гроссмана, который своим честным пером свидетеля, очевидца и участника Священной Войны написал на скрижалях истории, что все свои надежды на спасение оставшиеся в живых евреи возлагали на Красную Армию, на русский народ и на Иосифа Сталина...

Помимо размышлений В. Гроссмана о Треблинке я рекомендую Алле Гербер, поставившей на одну доску фашизм и сталинизм, прочесть толстый роман ее кумира «За правое дело», посвященный Отечественной войне и Сталинградской эпопее. В художественном отношении это весьма посредственная книга, но тем не менее ясно выразившая мировоззрение и убеждения автора. Не могу не привести несколько отрывков из нее.

О советской истории 20—30-х годов:

«Рабочий и крестьянин стали управителями жизни <...> родилось невиданное в России народное просвещение, которое можно сравнить лишь со взрывом солнечного света атомной силы <...> Простые люди, «четвертое сословие», рабочие и крестьяне внесли свой простой, сильный и своеобразный характер в мир высших государственных отношений — стали маршалами, генералами, областными и районными руководителями, отцами гигантских городов, управителями рудников, заводов и земельных угодий» (с. 43).

О Сталинградской битве: *«В роковые часы гибели огромного города свершалось нечто поистине великое — в крови и в раскаленном каменном тумане рождалось не рабство России, не гибель ее; среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе, и эта неистребимая сила торжествовала над ужасным, но тщетным насилием поработителей» (с. 393).*

О легендарном параде 7 ноября 1941 г.: «Красная площадь казалась Крымову широкой дышащей грудью России — выпуклая, живая грудь, над которой поднимался теплый пар дыхания. И то широкое небо, что видел он в осенних брянских лесах, русское небо, впитавшее в себя холод военного ненастья, низко опустилось над Кремлем.

В шинелях, в мятых шапках-ушанках, в больших кирзовых сапогах стояли в строю красноармейцы <...> То стояло войско народной войны. Красноармейцы украдкой утирали лица от тающего снега, кто брезентовой потемневшей от влаги варежкой, кто платочком, кто ладонью <...> Сталин приблизился к микрофону, заговорил. Крымов не мог разглядеть его лицо — туман и утренняя мгла мешали смотреть. Но слова Сталина отлично доходили до Крымова.

— Смерть немецким оккупантам! — сказал он и поднял руку. — Вперед к победе!» (с. 193). Естественно, что за это сочинение Гроссман получил звание лауреата Сталинской премии.

Все, что потом через несколько десятилетий сочинил Гроссман в повести «Все течет» о «русском рабстве» и «советском антисемитизме», выглядит убогой конъюнктурой или в лучшем случае побуждает вспомнить строки Заболоцкого: «Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому».

И поэтому вполне закономерно, что на кремлевском торжестве в июне 1945 года генералиссимус произнес знаменитую здравицу в честь русского народа. В это историческое мгновение слово вождя совпало с чувствами и мыслями еврея Василия Семеновича Гроссмана. Мой отец, Юрий Аркадьевич Куняев, преподаватель института имени Ф. Лесгафта, невоеннообязанный по здоровью, умер в окруженном Ленинграде 11 января 1942 г. в стенах своего родного института, куда он переехал, как и многие другие одинокие сотрудники, чтобы рядом друг с другом пережить самые тяжелые дни блокады. Но не пережил.

Подробности того, как он умирал, мы узнали лишь в 1943 году, когда моя мать получила в эвакуации от его выжившей сослуживицы М. Лейкиной письмо с рассказом о последних днях жизни отца:

«Ваш муж умер в институте. Вы, вероятно, слышали, какую тяжелую зиму мы пережили. Мы все голодали так, как никто не может себе представить. Многие — даже препода-

даватели нашего института – проявляли себя, как голодные люди. Юрий Аркадьевич относился к той немногочисленной группе людей, которая выдержанно переносила ужас голода, холода, невзгоды блокады. Он так же, как и другие, бывал ежедневно в столовой института и ждал тарелку супа без суеты и нетерпения, совсем не так, как многие другие. Его молчаливая скромность осталась с ним до конца его дней.

Он много работал, как все мы. Женщины-преподавательницы и студентки шли в госпитали, сверх учебной работы в институте, а мужской состав был брошен для обучения рукопашному бою резервов Красной Армии. Юрий Аркадьевич проводил по несколько часов на морозном воздухе, вся работа на голосе (команды). Сколько людей им обучено, не знаю. Вероятно, много. Достаточно сказать, что в списке представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда» есть его имя и указано: «...Был ответственным за подготовку свыше 300 человек Октябрьского района»².

В главном здании института (ныне университета) имени Ф. Лесгафта над старинной парадной лестницей висит мемориальная доска со скорбным списком преподавателей и сотрудников университета, погибших во время блокады. Список этот открывается словами: «Юрий Аркадьевич Куняев». Похоронен он в общей могиле на Пискаревском кладбище. Письмо моей мамушке написала еврейка М. Лейкина.

Она, как и многие другие ленинградские евреи, осталась жива только потому, что советские солдаты на Пулковских высотах, на Невском пятачке, на Карельском перешейке, по всему периметру ленинградской обороны, два с лишним года держали оборону против миллионной армии европейских фашистов, возглавляемой генерал-фельдмаршалом Леебом... И как только у Матвиенко язык повернулся одобрить книгу, где сказано, что мы «стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей». Да бывшая известная комсомолка Ленинграда – нынешняя мэриша невской столицы, совершив это деяние, просто плюнула в сторону Пискаревского мемориала, где вместе с сотнями тысяч ленинградцев лежит мой отец...

Подумать только, если бы немцы захватили Ленинград, у нас не было бы ни Даниила Гранина, ни Иосифа Бродского, ни Александра Кушнера!

Вот ведь как получается: с каждым километром пространства, отвоеванного у немцев и обогрванного кровью наших солдат во время движения на Запад, мы спасали какую-то долю восточноевропейского еврейства... А теперь, по истечении более шестидесяти лет, потомки этих спасенных евреев глумливо пишут, что мы «стояли в стороне», что «уничтожение советских евреев проходило открыто, на глазах у местного населения, которое в большинстве своем пассивно наблюдало за событиями» (с. 95), что «Кремль не делал попыток спасти евреев».

По логике жрецов Холокоста, коль уж мы виноваты, что «стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей», то нас (не французов, не венгров, не прибалтов, не поляков, а русских!) в первую очередь нужно учить урокам Холокоста. Тут Матвиенко и Асмолов стараются всю, почему-то излагая свои мысли одинаковыми словами.

Из В. Матвиенко: «Многолетняя стена умолчания Холокоста в России разрушена...» Из А. Асмолова: «Особая стена молчания возведена вокруг Холокоста в России...» (с. 94).

А теперь обратим внимание еще на два отрывка. Из предисловия Матвиенко: «Политический и исторический смысл запоздалого признания со стороны России места Холокоста в истории цивилизации означает, что отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых эта катастрофа воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия» (с. 5).

Читаю и глазам своим не верю: да я же где-то все это читал! Ну конечно, в послесловии Асмолова: «Политический и исторический смысл запоздалого признания Россией места

² Отцовская медаль «За оборону Ленинграда», присужденная ему посмертно, была передана мне в июне 2010-го, юбилейного, победного года.

Холокоста в истории цивилизации будет означать, что наша страна после многолетнего молчания сделала свой выбор и входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых катастрофа Холокоста воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия» (с. 102). Все выделенные слова из текста Матвиенко одновременно являются словами Асмолова. Слово в слово. Кто у кого «сочинение списал»?

Неужели господин Асмолов, бывший в свое время замминистра образования России и находившийся в подчинении у Матвиенко, сочинял за нее это предисловие и по рассеянности или по слабоумию вставил в предисловие Валентины Ивановны целый абзац из своего послесловия?

Я не могу заподозрить саму Валентину Ивановну в примитивном плагиате, такого быть не может. Но так подставить свою начальницу, благодетельницу, вице-премьершу! А может, кто-то третий сочиняет эти «слоганы» и потом снабжает ими и Асмолова, и Матвиенко? А может быть, они оба, как два попугая, вызубрили один и тот же текст?

Но, возможно, есть и особая точка зрения на все происходящее. Если явление Холокоста народу непознаваемо, иррационально и не принадлежит ни истории, ни науке, а вере и стоит в ряду чудес, то все, что связано с Холокостом, объяснить невозможно. А потому не надо и пытаться понять, как и зачем появились у Матвиенко и Асмолова одинаковые тексты о Холокосте. Ведь есть же почти одинаковые тексты у всех четырех евангелистов. А Матвиенко и Асмолов – тоже своеобразные «евангелисты» новой религии, и разобраться, почему они излагают одни и те же мысли одними и теми же словами, – эта попытка похожа на кошунство, на ревизию Священного Писания. А если они оба, подобно апостолу Павлу, были удостоены откровения свыше и Высшая Сила продиктовала им одни и те же заповеди?.. Все, что исходит из области чуда, неподвластно никакой критике, и никакому людскому суду, и никакому разбирательству насчет того, кому из них принадлежит интеллектуальная собственность – то есть вышеприведенные «священные», словно вырезанные на Синайских скрижалях, заповеди. Они принадлежат Холокосту.

III

Перчатка Ахмадинежада

Только ссылки на так называемый исторический «холокост» делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира.

Мойше Арье Фридман, австрийский раввин

А теперь мы предлагаем нашему читателю отрывки из выступлений участников уже ставшей всемирно знаменитой Международной конференции, которая прошла в Тегеране в конце 2006-го, где президент Ирана Ахмадинежад бросил перчатку жрецам Холокоста.

Никаких особенных комментариев к этим текстам мы делать не будем – они говорят сами за себя.

Выдержки из выступлений мы публикуем по книге «Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года» (Москва, Алгоритм, 2007).

Израэль ШАМИР, израильский публицист:

«Тегеранская конференция вызвала бурю в мировой печати.

Казалось бы, что тут особенного? Проводят такие конференции повсюду, и в большинстве крупных городов мира от Владивостока до Сан-Франциско через Варшаву, Париж и Нью-Йорк есть центры по изучению Холокоста. В прошлом году русский еврейский олигарх Вячеслав Кантор тоже созвал конференцию по Холокосту, и ее почтили присутствием все главы правительств Восточной Европы и немало лидеров Запада. Почему же конференция, проводимая в Тегеране, вызвала тысячи протестов и осуждений, почему Белый дом, канцлер Меркель, Ватикан и Европейское сообщество не поленились отреагировать на небольшую встречу в далеком Тегеране?

Дело в том, что все прочие конференции почитали официальную версию, выработанную еврейскими организациями, как божественную догму, данную на горе Синай вместе со скрижалями Завета. Можно отрицать непорочность Богородицы и Воскресение Христово, можно хулить Магомета – но стоит усомниться в том, что именно шесть миллионов евреев были по предварительному плану убиты немцами в газовых камерах промышленным образом – и вас могут в тюрьму посадить в Австрии, Германии, Франции, Швейцарии и других «цивилизованных» странах. Тегеранская конференция – первая, готовая отнестись к этому вопросу как к историческому событию, подлежащему критическому изучению».

Манучехр МОТТАКИ, министр иностранных дел Исламской Республики Иран:

«Я открыто заявляю, что антисемитизм является западным феноменом, типичным для западных стран. Этот феномен никогда не существовал на землях Ислама. Тем не менее мы видим сегодня, что Исламская Республика Иран и все те, которые думают, что научное исследование исторических событий необходимо, подвергаются необоснованным обвинениям.

Президент Исламской Республики Иран спрашивал: если Холокост был историческим явлением, то почему нельзя позволить проводить исследования в контексте истории? Волна необоснованных обвинений была запущена против Ирана. Те, которые стоят за кулисами этой грязной кампании, даже не беспокоятся о том, чтобы дать разумный ответ на этот рациональный вопрос.

Даже если нашлись бы доказательства того, что Холокост – это исторический факт, они должны ответить, не бросают ли они вызов собственным требованиям на обеспечение

свободы выражения мыслей, арестовывая ученых и исследователей, которые придерживаются взглядов, отличных от их собственных в вопросе о Холокосте, а также почему мусульмане этого региона, особенно палестинцы, являющиеся коренным населением Палестины, должны платить дорогой ценой за преступления, совершенные нацистами.

Необоснованная философия земли без людей и людей без земли, которая постулировалась во времена президента Джона Ф. Кеннеди для оправдания существования сионистской реальности, неправильна с обеих сторон, так как эта земля никогда не пустовала, а уцелевшие от преступлений нацистов не были без земли, они были гражданами европейских государств.

Эта конференция не собирается отрицать или доказывать факт Холокоста. Она предоставляет возможность свободно выражать свои мысли ученым и просто думающим людям, которые лишены возможности высказать свой взгляд на исторические события в Европе, которая призывает к свободе и где любая научная критика надуманной интерпретации Холокоста может дорого обойтись. Против этих свободно мыслящих людей и исследователей выдвигаются обвинения в защите нацизма и фашизма. Эти обвинения не имеют научной основы, так как многие критики Холокоста стали сами жертвами расизма».

Мойше Арье ФРИДМАН, главный раввин ортодоксальной еврейской общины Австрии:

«Будучи потомком очень уважаемой семьи европейских раввинов и главным раввином ортодоксальной антисионистской общины Австрии, я всю мою жизнь занимался сионизмом и так называемым Холокостом и его последствиями в чисто историческом, политическом и религиозном плане. Кроме того, мне очень хорошо известны последствия стратегического злоупотребления этими историческими событиями. Я с ужасом вижу, как нашей иудейской религией и самобытностью и именем моих предков злоупотребляют, фальсифицируя исторические факты и превращая их в политическое орудие. Только ссылки на так называемый исторический «Холокост» делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира. Эти жестокости, в отличие от исторического Холокоста, происходят на глазах у всей мировой общественности, но палестинцы не имеют ни малейшей надежды на защиту и ни малейшей возможности защищаться».

...«Основатель сионизма Теодор Герцль уже в первых записях своих «Дневников» удивительным образом называет цифру шесть миллионов евреев, которым в Европе якобы угрожает опасность, и единственный шанс создания так называемого еврейского государства появится лишь в том случае, если эти шесть миллионов европейских евреев постигнет катастрофа».

«После прихода к власти национал-социалистов в 1933 году сионистские организации Палестины в совместном письменном послании поздравили Гитлера, указали на сходные черты идеологий и выразили надежду на сотрудничество.

Вскоре после этого национал-социалистические чиновники по приглашению сионистского Еврейского агентства приехали в Палестину, где их ждал очень дружественный прием.

Во время состоявшейся в 1934 году беседы между Адольфом Эйхманом и будущим израильским президентом Хаимом Вейцманом, чему предшествовали настоятельные просьбы Вейцмана изгнать евреев из Германии, Эйхман спросил: «Можете ли вы, господин Вейцман, вообще принять так много евреев?» Ответ: «Мы охотно примем здесь силы, способные сражаться за нас в Палестине, а остальных надо ликвидировать, как бесполезный мусор».

Из доклада Фридриха БРУКНЕРА (псевдоним западного историка, приведшего свидетельства того, что в последние годы войны и вплоть до 1947 года существовали такие основные версии умерщвления евреев в немецких концлагерях: электрическим током, горячим паром, откачкой воздуха из камер и даже при помощи негашеной извести):

«В то время торговцы подобными жуткими рассказами, очевидно, еще не были уверены, которой из трех версий в дальнейшем дать ход. В 1945 году советский пропагандист-еврей Василий Гроссман опубликовал брошюру под названием «Ад Трешлинка». По его описанию, все три метода – пар, газ и откачка воздуха из камер – использовались одновременно. На Нюрнбергском процессе правительство Польши предпочло паровую версию <...> Версия, которая содержится в официальной литературе, восторжествовала только в 1947 году».

«В течение последних десятилетий количество жертв нескольких предполагаемых «лагерей уничтожения» резко уменьшается, благодаря самим стражам чиновничьей «истины». В 1945 г. польско-советская комиссия заявила, что не меньше четырех миллионов человек погибло в Освенциме. Хотя ни один западный историк не принимал всерьез эту нелепую цифру, она упоминалась на мемориальных табличках Освенцима, пока не была удалена в 1990 г. Полякам понадобилось два года, прежде чем они приняли решение по новой цифре, которая впоследствии и была записана на новых табличках: 1,5 миллиона. Но через год, в 1992 г., главный историк музея Освенцима Франтишек Пипер опубликовал книгу, в которой он утверждает, что 1,1 миллиона людей, из них около миллиона евреев, погибли в лагере. Таким образом, теперь существуют уже две официальные цифры, отличающиеся на 400 000, – одна на табличках и другая в книге Пипера!

Еще более резким было сокращение первоначальных цифр для концентрационного лагеря Майданек. Сколько же людей погибло в Майданеке?

– 1,5 миллиона, согласно сообщению польско-советской комиссии, представленному на Нюрнбергском трибунале в 1946 г. в Документе USSR-29;

– 360 тысяч, согласно польскому судье Здиславу Лукашкевичу в официальном «Бюллетене Комиссии по исследованию немецких преступлений в Польше», в 1948 г.;

– 235 тысяч, согласно польскому историку Чеславу Райке в официальном журнале музея Майданека, в 1992 г.;

– 78 тысяч, согласно польскому историку Томашу Кранцу, директору научно-исследовательской секции музея Майданека, в 2005 г.

В 1998 г. Карло Маттоньо в книге, написанной совместно с Ю. Графом, установил на основе документов, что реальное число смертей в Майданеке составило примерно 42 200. Таким образом, новая официальная цифра все еще на 35 800 выше, чем ревизионистская, но на 1 422 000 ниже, чем было установлено и записано на Нюрнбергском процессе.

Тем не менее, эти грандиозные уступки ортодоксальных историков отнюдь не влияют на священную цифру 6 миллионов «жертв Холокоста». Из этих 6 миллионов можно вычесть несколько миллионов, и все равно остается 6 миллионов! Это – арифметика «Холокоста»!

Но нелепая история «Холокоста» имела и все еще имеет страшные политические последствия. Если бы не эта мистификация, мир никогда бы не позволил сионистам предпринять свою колониальную авантюру в Палестине в 1948 году. Если бы не эта мистификация, не существовало бы расистского государства Израиль, представляющего собой основную причину конфронтации на Ближнем Востоке и готового в любой день спровоцировать ядерную войну; у палестинцев не украли бы их родину, а мир был бы лучшим и более защищенным.

Пока что палестинцы – это наиболее очевидные жертвы аферы «Холокоста», но они ни в коем случае не единственные. В действительности эта мистификация чрезвычайно опасна для всех народов мира, включая еврейский, который рано или поздно должен будет заплатить высокую цену за глупость своих лидеров».

Серж ТИОН, французский историк:

«Закон Гессо», принятый 13 июля 1990 года, убил во Франции свободу выражения мнений. Этот закон обязывал судей осуждать любого, кто будет оспаривать совершение преступлений, осужденных в Нюрнберге.

Последствия «Закона Гессо» были ужасны. Свобода выражения мнений зачахла, написанные книги невозможно было опубликовать, и их перестали писать. Дебаты прекратились вообще. Повсюду распространился благоговейный страх, прежде всего в школах, где учителя вынуждены были преподавать официальную историю в форме катехизиса, который никого ни в чем не убеждал. СМИ закутались, словно от холода. Повисло тягостное молчание.

Бывший член руководства французской компартии, гуманист, обратившийся в ислам, Роже Гароди, взял на вооружение аргументацию ревизионистов в своей книге, в которой он критиковал израильские мифы («Основополагающие мифы израильской политики»³.) Никто не хотел издавать эту книгу, и группа «Ла Вьей Топ» напечатала первый тираж. Разразился грандиозный скандал. Вся пресса в унисон осуждала того, кто нарушил закон молчания, заткнувший рты ревизионистам. Скандал принял общенациональные масштабы, когда Гароди получил поддержку от своего старого друга, аббата Пьера, человека, бесспорно, самого популярного во Франции благодаря его гуманитарной кампании в пользу жилищ для бедняков. Скандал, добродетельное возмущение прессы, лишенное аргументов, обеспечили этой книге широчайшее распространение, несмотря на препятствия на пути ее продажи. Пришлось дополнительно напечатать десятки тысяч экземпляров. Ревизионизм стал предметом повседневных бесед. Один большой журнал вышел с заголовком «Победа ревизионизма».

Сразу же взялись за дело специалисты по цензуре. Состоялся процесс, в итоге которого Гароди был приговорен к очень большому штрафу. Кассационный суд оставил приговор в силе. Но сразу же, в конце 1996 года, его пригласили совершить турне по Среднему Востоку. Его книга была немедленно переведена в Марокко, Египте и в Ливане. Тиражи были огромными. Он устраивал пресс-конференции, его принимали на высшем уровне, и он преуспел в том, чего ревизионисты уже не ожидали: критика легенды о Холокосте запечатлелась в умах десятков миллионов жителей Среднего Востока».

Роберт ФОРИССОН, французский историк, профессор Сорбонны:

«Холокост» остается официальной религией всего Запада. Это действительно убийственная религия, которая продолжает самым грубым образом дурачить миллионы добрых душ, выставляя напоказ груды очков, волос, туфель, чемоданов, представляя их в качестве вещей, принадлежавших умерщвленным в газовых камерах евреям; фальшивые или обманным путем используемые фотографии, тексты невинных документов, подделанные или умышленно неправильно истолкованные; бесконечное распространение памятников, церемоний, различных шоу, вдалбливание небылиц в детские головки, организованные экскурсии по «святым местам» предполагаемого еврейского мученичества и грандиозные показательные суды с их призывами к суду Линча.

Президент Ахмадинежад использовал точное слово: предполагаемый «Холокост» евреев является «мифом», то есть верой, поддерживаемой轻信ием или невежеством. Во Франции вполне законным считается провозгласить неверие в Бога, но запрещено признавать свое неверие в «Холокост» или даже выражать сомнение по этому поводу. Этот запрет на любое оспаривание Холокоста стал формальным и официальным с принятием закона от 13 июля 1990 г. Вышеуказанный закон был опубликован в журнале «Journal Officiel de la République française» на следующий день, то есть 14 июля, в день празднования Республики и Свободы. Этот закон предусматривает наказание в виде тюремного заключения сроком до одного года или наложением штрафа в размере до 45 тысяч евро. Закон также подчеркивает, что все это применимо также «даже в том случае, если подобное оспаривание или сомнение представлено в завуалированной или сомнительной форме или посредством инсинуации» («Code penal», Paris, 2006, с. 2059). Таким образом, Франция обладает ничем иным, как официальным

³ Читатели «Нашего современника» могут познакомиться с этой работой, опубликованной в журналах № 1–4 за 2001 год.

мифом, мифом о «Холокосте», и знает лишь одну форму кощунства, ту, которая обижает «Холокост».

В 1951-м еврей Леон Поляков, который был членом французской делегации на Нюрнбергском процессе (1945–1946 гг.), сделал заключение о том, что существует избыток документов, касающихся всех вопросов истории Третьего рейха, за исключением лишь одного: «Кампании по уничтожению евреев». Об этом он писал: «Никакого документа не осталось: возможно, его никогда не существовало» («Breviaries de la haine», Париж, Calmann-Levy, 1974 [1951], с. 171).

Это важная уступка в пользу ревизионизма. Для подобного ужасного преступления, предположительно задуманного, организованного и совершенного немцами, должны были обязательно существовать приказ, план, инструкции, бюджет. Такое предприятие, выполняемое в течение нескольких лет на целом континенте и повлекшее гибель миллионов, должно было оставить потоки документальных подтверждений. Следовательно, если нам говорят, что, возможно, такого документального подтверждения никогда не существовало, напрашивается вывод о том, что преступление, о котором идет речь, никогда не совершалось. Ввиду полного отсутствия документов историку ничего не остается делать, кроме как молчать <...> следует отметить, что с 1951-го по 2006 г. также не удалось обнаружить ни малейшего документального свидетельства».

«Нам, в начале XXI столетия, предоставляется уникальная возможность быть свидетелями разоблачения одного из величайших обманов в истории. Миф о «Холокосте» может быть освещен тысячами огней: в действительности же он сам обжигает. Он служил оправданием для создания на земле Палестины военизированной колонии, назвавшейся «еврейским государством», обеспечившим себя «еврейской армией». Он накладывает на Западный мир ярмо еврейской или сионистской тирании, распространяющейся на все сферы интеллектуальной, образовательной и информационной деятельности. Он отравляет саму душу великой страны, Германии. Он позволил изъятие из последней, а также из большого числа других западных стран непомерных сумм в марках, в долларах и в евро. Он подавляет нас в фильмах, в музеях, в книгах, которые поддерживают пламя талмудической ненависти. Он делает возможным призыв к «крестовому походу против оси зла» и ради этого фабрикует самую бесстыдную ложь, точно следуя образцу Большой Лжи «Холокоста», ибо нет различия между «оружием массового уничтожения» Адольфа Гитлера и таким же «оружием» Саддама Хусейна. Этот миф делает возможным обвинять почти весь мир и требовать «покаяния» и «репараций» везде – либо за предполагаемые действия, направленные против «избранного народа Яхве», или за предполагаемое соучастие в преступлении, или за предполагаемое общее «безразличие» к судьбе евреев во время Второй мировой войны.

Практикуя грандиозного масштаба ложь, единоверцы «Холокоста» <...> в течение шестидесяти лет упорно держали весь или почти весь мир под обвинением. Их основной целью, конечно, была Германия. Но в своем обвинительном исступлении еврейские организации пошли так далеко, что упрекали союзников военного времени в предполагаемом преступном «безразличии» к судьбе европейских евреев. Они набрасывались на Рузвельта, Черчилля, де Голля, папу Пия XII, Международный комитет Красного Креста и на многочисленных личностей, на официальные органы или страны за неосуждение якобы существовавших «газовых камер». Но как могло то, что со всей очевидностью было лишь абсурдным военным слухом, считаться проверенным фактом? Достаточно прочитать книгу еврея Вальтера Лакера «Страшная тайна» («The terrible secret», 1980), чтобы убедиться в широко распространенном и полностью оправданном скептицизме в лагере союзников по отношению к океану слухов, порожденных еврейскими источниками. Были проведены расследования, позволившие официальным лицам сделать вывод о том, что эти слухи были необоснованными. Таким образом, именно непредвзятый взгляд, а не безразличие проявили союзники и все те, кому предъявлялось обвинение.

Именно этот непредвзятый взгляд, а не безразличие, продемонстрировали после войны в своих речах и мемуарах Черчилль, де Голль и Эйзенхауэр, избегая всяческих упоминаний о пресловутых «газовых камерах». Война и военная пропаганда нуждаются во лжи, подобно тому, как крестовые походы и дух крестоносцев загораются энергией ненависти. С другой стороны, мир и дружба между народами могут только выиграть от тщательности, с которой достигается точность исторического исследования, исследования, которое всегда должно проводиться при соблюдении полной свободы».

Ян БЕРНХОФ, шведский историк, уволенный из Педагогического университета в Стокгольме после возвращения из Тегерана:

«Нью-Йорк таймс», 10 марта 1943 г., с. 12: «Сорок тысяч человек слушали и смотрели... прошлым вечером две передачи «Мы никогда не умрем», драматическую массовую программу памяти 2 000 000 евреев, убитых в Европе... Рассказчик сказал: «Когда наступит мир, в Европе не останется ни одного еврея. В соответствии с планом, убивают те четыре миллиона, которых осталось убить».

Бутиц в своей работе делает заключение, что корни числа «шесть миллионов» обнаруживаются в военной пропаганде 1942–1943 гг. Однако эта цифра упоминается в еврейской пропаганде задолго до начала Второй мировой войны. Хаим Вейцман, который позже стал первым президентом Израиля, сказал 25 ноября 1936 г.: «Не будет преувеличением сказать, что шесть миллионов евреев приговорены к заключению в этой части мира, где они нежелательны, и для кого страны делятся на те, в которых они нежелательны, и те, где они недопустимы»⁴.

Фредерик ТОБЕН, австралийский историк, отсидевший полгода (1999 г.) в германской тюрьме за «отрицание Холокоста»:

«Есть ревизионисты, как, например, Гермар Рудольф, Эрнст-Гюнтер Когель, Хорст Малер, Эрнст Зундель и другие, которые не смогли приехать на эту конференцию, потому что в настоящее время заперты в немецких тюрьмах. Ревизионистские активисты Зигфрид и Герберт Вербеке в настоящее время посажены в бельгийскую тюрьму. Удо Валенди и Гюнтер Декерт, оба отбывшие длинные сроки тюремного заключения за свою ревизионистскую деятельность в Германии, посылают всем свои приветствия. Гюнтер почти готов был приехать на конференцию, но власти отобрали у него паспорт за несколько дней до отъезда в Иран. Кроме того, есть много американских ревизионистов, которые не осмелились приехать в Тегеран из опасения, что американское правительство отомстит им за это. Мы все знаем, какую форму может принять эта месть: клевета, экономические и профессиональные санкции, нацеленные на дискредитацию и уничтожение личности, но не на выдвигаемые ими аргументы».

«Мемориальная доска в Освенциме, благословленная папой Иоанном-Павлом в 1979 г., называющая 4 миллиона жертв, была через несколько лет после установки заменена новой доской, насчитывающей 1,5 миллиона, которую благословил папа Бенедикт XVI. Тем не менее, эти сокращения количества жертв не влияют на общую цифру 6 000 000, которая не уменьшалась ни при каких обстоятельствах».

⁴ Из выступления Хаима Вейцмана на XX Сионистском конгрессе в 1937 году – за 5 лет до Освенцима: «Надежды шестимиллионного европейского еврейства основываются на эмиграции. Я спрашиваю: «Можете ли вы переправить шесть миллионов евреев в Палестину?» Я отвечаю: «Нет». Из бездн трагедии я хочу спасти два миллиона молодежи. Старики должны исчезнуть. Они – пыль, экономическая и моральная, в этом жестоком мире. Только молодая ветвь выживет. Они с нами должны согласиться» (из книги «Жертвы уничтожения обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступлениях». Н.-Йорк, 1970, стр. 34).

Дэвид ДЬЮК, американский публицист и историк:

«В Европе разрешается отрицать и высмеивать Иисуса Христа. То же и в отношении пророка Мохаммеда. Ничто не произойдет с вами, вы даже можете получить собственную программу на ТВ; но если вы ставите под вопрос официальную версию Холокоста, это будет означать банкротство для вас, вашей семьи, а во многих странах вас могут даже бросить в тюрьму.

Лицемерие всего этого иллюстрирует преданность Европы свободе самого извращенного типа порнографии. Все виды самой тошнотворной порнографии доступны в западном мире, включая порнографию, воплощенную в самые худшие формы садизма и безобразного разложения женщин, многие из которых наркозависимы и действительно находятся в рабстве того, что мир называет «белым рабством». Но не смейте сомневаться в Холокосте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.